



Сергей Евгеньевич Алтынов

Снайпер контрольный не делает

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174723
Снайпер контрольный не делает: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31429*

Аннотация

В городе появился «черный снайпер». От его руки уже пали: бизнесмен, телеведущий, медсестра и сотрудник ФСБ. Кровавые похождения убийцы должен пресечь молодой снайпер-контрактник спецназа ВДВ Владимир Алданов с позывным Факир. Ему поручили это дело не случайно, поскольку у сотрудников спецслужб появилась «железная версия» – убийцей является один из бывших спецназовцев, прежних сослуживцев Алданова. Гор, Роки, Аркан – таковы были когда-то их позывные. Факиру предстоит «прокачать» каждого и найти среди них «черного снайпера»...

Содержание

Пролог	4
День первый	8
1	8
2	11
3	15
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Алтынов

Снайпер контрольный не делает

Пролог

Я закрепил зеркальце метрах в пяти от своего укрытия. Затем привязал к нему шпагат. Теперь «приманка» готова. Именно так учил меня изготавливать ее наш инструктор. Переведя дух, я вернулся в укрытие и замер. Мне кажется, сейчас я ЕГО засеку и... До места ЕГО предполагаемого лежбища не более трехсот метров, а в учебном центре я тренировался на мишенях не ближе пятисот. Промахнуться я не должен. ОН, правда, выбрал куда более удобную позицию. Не в камнях, как я, а среди деревьев, в кустарнике. Мне в камнях будет туго. От камней идет рикошет. Дадут по мне автоматную или пулеметную очередь – «слепая» пуля, а то и не одна, достанет обязательно. Однако другого укрытия у меня сейчас нет. Я пока не знаю, а лишь предполагаю, где затаился ОН. Но через пару секунд я буду знать это наверняка. Осторожно, чуть-чуть шевелю с помощью шпагата зеркальце. Сейчас ОН увидит заметные мерцающие блики. Именно такие, какие дает оптический прицел снайперской винтовки Драгунова, резко оторванный от глазной впадины. ОН не заставит себя ждать, тут же выстрелит в сторону зеркальца, и я сумею засечь его. И тогда уж вряд ли промахнусь.

«Господа, вы звери!»

О господи, откуда этот знакомый женский голос? Ничего не понимаю... Так, ОН выстрелил, и я теперь знаю, куда стрелять...

«Солдаты! Вы будете прокляты своею страной!»

Кто это?! Что за баба?! И откуда льется эта знакомая музыка?!

Я дернул головой и почувствовал, что никакой винтовки Драгунова у меня в руках нет. В руках у меня железная банка из-под пива. И сижу я не в каменном убежище, а на собственном диване перед экраном телевизора, на котором мелькают заключительные кадры фильма «Раба любви». Одного из моих любимых... Так и есть – я уснул перед включенным видеомagneтофоном. А я ведь почти снял ЕГО. Впрочем, кого его?! Уже много лет я не на войне и возвращаться на нее не собираюсь. Вот только дурацкие сны вновь и вновь бросают меня в самое пекло... Экран погас, и я вынул кассету, не перемотав. Сунул было руку за следующей – концертом Эрика Клептона, как вдруг послышался громкий продолжительный звонок в дверь. Кто-то бесцеремонный топчется у моей двери и давит на кнопку. Мне ничего не остается, как топать в коридор. В глазок я разглядел нашего участкового Олега, неплохого парня моего возраста, с которым я был в приятельских отношениях, и неизвестного мне мужчину лет сорока. Олег заявился ко мне явно не пиво пить. Скорее всего вновь обворовали каких-нибудь соседей, и Олег уже в который раз решил использовать меня в качестве понятого. А мужик рядом с ним – или прокурорский, или из розыска. Деваться мне было некуда, и я впустил ночных гостей в квартиру.

– Володь, извини, что поздно, – начал с порога Олег. – Но у тебя свет горит в большой комнате, с улицы видно. И тут такое дело... В общем, товарищ хочет с тобой поговорить, – участковый кивнул на своего молчаливого спутника. – Я вас оставляю, – переступив за порог, попрощался Олег. – В случае чего – я в опорном пункте.

Неизвестный, желающий говорить со мною, вежливо кивнул головой, дал мне запечатать дверь и лишь после моего приглашения прошел в большую комнату. Разговор он начал довольно-таки официальным тоном:

– Алданов Владимир Константинович?

Молча киваю головой. Интонация незнакомца мне не нравится.

– Позывной – Факир?

– Так точно, – по-армейски отозвался я. – А с кем я имею честь?

– Вот, пожалуйста... – Мужчина протянул мне красную книжицу с гербом.

Так и есть. Он из конторы. Причем не из ментовской, а из лубянской. Целый полковник. Ох, как мне все это не по душе!

– Что же, Володя, – продолжил он мягким отеческим голосом, – не буду заходить изда- лека. Нам понадобится ваша помощь.

– В смысле? – не очень любезно уточнил я.

– Ваша помощь как специалиста с позывным Факир. Понимаете?

Я понимаю. Полковнику Федеральной службы безопасности понадобился снайпер моего уровня. Зачем? Явно не для стрельбы по воздушным шарикам и не для дурацкой игры в пейнтбол. И это меня окончательно расстроило... Что у них, своих снайперов мало?! Впро- чем, скажу без ложной скромности, стрелков-снайперов моего уровня не так уж много.

– Я слушаю вас, – стараясь сохранить невозмутимость, произнес я.

– Вы, конечно, смотрите телевизор, читаете газеты... – начал-таки издавека он.

– Конечно, нет, – откликнулся я.

Это была правда. За прошедшие три дня моей духовной пищей были хорошие книги типа Роберта Шекли, видеокассеты и пиво «Балтика». Кинув взгляд на батарею пустых банок, фээсбэшник меня понял.

– Тогда прочтите, пожалуйста, вот это.

Он положил передо мною утренний номер одной из центральных газет. Мне ничего не оставалось, как углубиться в чтение статьи, выделенной красным фломастером. Статья оказалась довольно большой. Название говорило само за себя – «Снайпер-маньяк в столице. Четыре жертвы за три дня». Сообщалось следующее:

«Четыре явно заказных убийства поначалу никак не были связаны между собой. Что может объединять фельдшера „Скорой помощи“, предпринимателя средней руки, извест- ного телеведущего и инженера-технолога? Тем не менее по данным, полученным нами из неназванных источников, все погибшие были убиты из одного и того же оружия. Специ- алисты полагают, что убийца – профессиональный снайпер. Неужели в столице появился маньяк-снайпер, нещадно убивающий без всякой логики и мотивов? Органы МВД и проку- ратуры не дают ответа на этот вопрос...»

– Подобные статейки только сеют панику, – заметив, что я прочитал статью, произнес полковник. – По счастью, наш народ ко всему привык, ничем не проймешь.

Я лишь развел руками.

– Здесь не все сказано, – кивнул на газету ночной собеседник. – Один из убитых – сотрудник ФСБ. Причем отнюдь не рядовой...

– Это кто же?

– Здесь он обозначен как инженер-технолог. И все жертвы на самом деле были убиты из одного и того же оружия. Болтунов, знаете ли, хватает даже у нас... Взгляните на заключение экспертизы.

Пивной хмель окончательно выветрился из меня, и я начал внимательно изучать про- тннутые документы.

– Он убивал их из спортивной винтовки, – сказал я, прочитав заключение. – Такую используют биатлонисты, и она в некоторой степени надежней «СВД».

– Почему?

– Если говорить откровенно, то «СВД» хороша для взводного снайпера. Когда я был таковым, то использовал не только «драгунку», но и обычный автомат с оптическим прице- лом. Для профессионала же куда лучше биатлонная винтовка. Дальность выстрела у нее,

правда, меньше, но зато точность куда выше. Плюс ко всему она компактнее и легче. Это удобнее...

– Для городских условий, – уточнил полковник.

– Да, – кивнул я. – В городе бой редко происходит на больших расстояниях, все больше в пределах квартала. Этот «сумасшедший» явно имеет подобный «опыт»...

– Ты ведь не только снайпер, но был и охотником на них? – неожиданно перешел на «ты» фээсбэшник. – Что скажешь относительно нейтрализации снайпера?

– Самая надежная антиснайперская штука – реактивный огнемет «Шмель». Разок пальнешь – и все... Но в городских условиях это чревато. В здании, где засел снайпер, могут находиться другие люди, зачастую наши же... В городе требуется ювелирная работа.

– Володя, таким ювелиром должен сейчас стать ты. Я изучал твою боевую биографию и... Конечно, ты можешь отказаться, но тогда этот парень заберет еще не одну жизнь.

Ох как льстили мне эти вкрадчивые отеческие фразы! Но в ответ я лишь усмехнулся:

– Ну а вы-то на что? Вы, милиция...

– Разумеется, мы его вычислим и возьмем... Месяца через полтора.

– Что так?

– Видишь ли... – Полковник выдержал некоторую паузу, точно подбирал нужные слова. – О нашей работе все привыкли судить по книгам и сериалам. В жизни все иначе. Не буду долго объяснять, но большая часть преступлений раскрывается с помощью агентуры. Так работаем и мы, и милиция. Поэтому труднее всего вычислить и задержать преступника-одиночку. Иногда их ищут годами.

Это мне известно. Те же сексуальные маньяки совершают свои страшные деяния годами, а милиция бессильна что-либо сделать, так как к сексуальным маньякам нет агентурных подходов и быть не может. В нашем же городе завелся маньяк-снайпер.

– Чем же я могу вам помочь? – спросил я.

– Во-первых, многое говорит о том, что снайпер проходил подготовку в том же учебном центре, что и ты. Он может быть одним из твоих однополчан.

– Из чего это следует?

– Дерзость, изобретательность, грамотное оборудование укрытия. Выбор оружия, наконец... Снайперы такого уровня и... я бы сказал, «стиля» находятся на особом учете. Те, что идут по нашему ведомству и МВД, уже тщательно проверены. Ну а по линии армейских снайперов, ты сам знаешь, лучших готовили в Р-зском учебном центре спецназа ВДВ.

Я кивнул. Факиром я стал именно благодаря Р-зской учебке.

– Мы не сидим сложа руки, Владимир, – продолжал фээсбэшник. – Проверка показала, что у многих бойцов надежное алиби... У некоторых слишком надежное, – при этих словах полковник опустил глаза.

Это без объяснений. Пали ребята, в земле лежат. Самое надежное алиби.

– Твое алиби мы тоже проверили, так что я тебе доверяю. – Полковник пристально посмотрел мне в лицо.

– Благодарю, – кивнул я.

– Так вот, открываю перед тобой все карты! В Москве сейчас находятся и не имеют при этом алиби три человека: Озеров, Терентьев и Шубин. Ты должен знать всех троих.

Отпираться бессмысленно. Ефрейтор контрактной службы Озеров, позывной Роки. Сержант Терентьев, он же Аркан. Младший сержант Шубин, он же Гор... Прибавьте к ним сержанта контрактной службы Алданова, и получится великолепная четверка лучших снайперов отдельного контрактного батальона спецназа ВДВ.

– Повторяю: ты можешь отказаться, – выдержав паузу, произнес полковник. – Но беседа останется между нами.

– Вы хотите, чтобы я снова охотился на вражеского снайпера? Да еще маньяка? Вы не представляете, как мне все это надоело ТАМ! По истечении контракта мне предлагали службу в ФСБ, в погранвойсках, но я отказался! – проговорил я, стараясь не сорваться на крик.

– Мне это известно. Именно поэтому я рассчитывал на твою помощь... Тебе предстоит не воевать, а избавить город от жестокого убийцы. Можешь ответить: сколько еще человек ОН уложит?

Ответить я не мог, поэтому промолчал.

– Речь идет о ювелире, Владимир. Не воспринимай это как комплимент. У тебя есть фантазия. Талантливое образное мышление. Ко всему прочему, ты интересный прозаик и сценарист. Я читал твои произведения.

Я лишь усмехнулся. Скажите это председателю Госкино или министру культуры.

– Но нам с тобой предстоит не кино снимать и не книжки писать, – подвел итог он.

– Увы, – согласился я.

Снимать кино и заниматься литературой мне нравится куда больше, чем стрелять.

– Герои твоих книг и сценариев решительны и изобретательны. Изучив биографию снайпера Алданова, я понял, что в этих героях есть что-то от тебя. Поэтому и обращаюсь за помощью... Сколько суток у тебя уходило на нейтрализацию вражеского снайпера в городских условиях?

– Не более трех суток, – отозвался я и, чуть помолчав, добавил: – В крайнем случае четыре дня.

– Постарайся и сейчас... Не более чем за четыре дня. Со своей стороны, обеспечу тебя полной информацией, окажу любую помощь.

Я лишь тяжело вздохнул. Мне предстояло на трое (если не более!) суток возвратиться в свою старую жизнь. Туда, куда, как мне казалось, возврата не будет уже никогда.

День первый

1

Для начала я хорошенько выспался. Сны мне на сей раз не снились, поэтому встал я со свежей головой. Сегодня начинается мой первый день в качестве охотника на снайпера. Когда я последний раз выступал в этом качестве? Почти десять лет назад. Я тогда уже отслужил срочную и даже отучился полтора года в пединституте на факультете физвоспитания. Но затем начались межрегиональные конфликты на территории России, и меня пригласили в военкомат на беседу. Почему согласился, не знаю, но вскоре я стал одним из первых солдат-контрактников. Тогда мне казалось, что я выполняю важную миссию, которую, кроме меня, некому выполнить. Но вот я потерял одного друга, затем второго, третьего. Сам получил контузию и легкое осколочное ранение. Пока загорал в госпитале, мой контракт истек, и я с огромной радостью вернулся в родной город. Здесь-то и начались проблемы. Сперва пытался работать тренером в стрелковом клубе, но вскоре ушел. Постоянно терзала мысль, что готовлю пацанов для такой же участи, что выпала мне. В охранной фирме работать было скучно – стой да глазами хлопай. Почти такой же неинтересной показалась мне и инкассаторская служба. Год отучился в юридическом, опять сорвался. Что ты будешь делать?

Неожиданно для себя начал писать. Издателям понравилось, читателям тоже. Пошли договоры, гонорары. Но мне опять чего-то не хватало. И тогда я исхитрился поступить на Высшие двухгодичные курсы сценаристов и режиссеров при Госкино. Туда брали исключительно с высшим образованием, но руководство учло мои многочисленные публикации и заслуги перед Родиной, поэтому приняли в порядке исключения... Как здорово завертелась моя тогдашняя жизнь! Теперь я сам буду делать кино! Мне так хотелось сделать простой, но при этом увлекательный фильм! Такой, как «Баллада о солдате»... Или «В зоне особого внимания». Или «Белое солнце пустыни». Мне нравились фильмы «Пираты двадцатого века», «Белый Бим Черное Ухо», «Пацаны». Нравились комедии и сказки...

За два года учебы я приобрел новый жизненный опыт, как это ни кощунственно звучит, в чем-то сродни боевому... Рассказывать подробно не хочется, но многое в кинематографе меня разочаровало. Особенно когда поработал ассистентом режиссера. Не хочу ни про кого из известных людей говорить дурные слова, но так получилось, что по окончании курсов я оказался за бортом кинематографической жизни. Наверное, надо было быть сдержаннее, иной раз смолчать... К счастью, издатели по-прежнему издавали мои романы и повести, поэтому я целиком перешел на писательскую стезю. Повести писал теперь так, чтобы их легко было переделать в сценарии.

И вся эта моя жизнь не укрылась от зоркого ока спецслужбы. И она нашла меня, как только я ей понадобился. Именно я – профессиональный снайпер с фантазией писателя и объемным кинематографичным мышлением.

Я вновь погрузился в материалы, предоставленные вчерашним ночным визитером. Итак, четыре убийства из одного и того же оружия – биатлонной винтовки. Первым был убит предприниматель. Убит прямо у себя в квартире, когда принимал ванну (точнее – джакузи) с двумя любовницами. Стреляли с крыши соседнего дома. Обе проститутки дали первоначальные показания, путанные и не несущие никакой информации. Следующей жертвой был известный телеведущий. Его ухлопали при выходе из ночного клуба «Голубой попугай». Название говорит само за себя, из праздного любопытства человек такие заведения не посещает... И в тот же день снайпер бьет следующую жертву. Здесь вообще непонятно – Л. Рогалева, молодая женщина двадцати шести лет, разведена, дочери семь лет. Сама родом

из Тулы, работала фельдшером «Скорой помощи», жила у сестры. Убита, когда возвращалась с ночного дежурства, под самое утро. На сей раз убийца с винтовкой замаскировался в сквере. Когда она проходила мимо, выстрелил прямо в лицо. На приложенной фотографии я без всякого удовольствия рассмотрел обезображенный женский труп. И наконец на третий день снайпер уложил «инженера-технолога». А точнее, подполковника ФСБ Струмилина из Управления по борьбе с терроризмом. Струмилиным был убит опять же дерзким способом – прямо во время занятий физкультурой в элитном фитнес-центре. Окна там защищены надежно, кто-то открыл маленькую узенькую форточку, и через нее был произведен выстрел. Убийца замаскировался в соседнем здании, явно заранее просчитав «огневую точку». И вновь никаких следов, кроме данных пулевой экспертизы.

ОН и в самом деле дерзок и профессионален одновременно. Такие люди никак не могут быть маньяками. ОН мой враг, кто бы он ни был. Зачем убил мать-одиночку, фельдшера «Скорой»? Да и остальных... Нас не для этого готовили. Что у них общего? Кто будет следующим? ОН убивает первых попавших в поле его зрения? Нет, ни в коем случае. Мне неизвестный снайпер вовсе не казался душевнобольным. Слишком грамотно и профессионально он работал. Особенно в случае с подполковником Струмилиным... Все четверо погибших ранее не были знакомы друг с другом и вообще не имели ничего общего. Объединило их лишь то, что все они были убиты в течение короткого времени из одного и того же оружия. А сейчас основной вопрос звучит так: КТО следующий? Где и когда произойдет новое убийство?

Сколько еще жизней ОН намерен забрать?

И еще: ОН или ОНИ?

Интуиция мне подсказывала, что все же ОН – одиночка. И действует по какой-то собственной, понятной лишь ему, логике. Но я как литератор (соответственно инженер человеческих душ) должен эту логику разгадать. И я вновь вернулся к личностям жертв. Пожалуй, танцевать нужно от них. Между ними обязательно должна быть какая-то связь.

Меньше всего, как это ни странно, было материалов по Струмилину. Контора не торопилась расшифровывать своего человека даже после его гибели. Единственная возможная зацепка: Струмилиным – участник боевых действий в Чечне и Дагестане, имеет награды. Там могли пересечься пути его и будущего убийцы.

Из всех жертв наиболее несимпатичным мне был жирный телеведущий. Он был бездарен и в этой бездарности откровенно омерзителен. Он пытался актерствовать, не имея к этому ни малейшего таланта, поэтому получалось какое-то гнусное, недостойное взрослого человека обезьянничанье. Еще он обожал сальные шуточки, как правило, педерастического содержания, вызывающие приступы идиотского хохота у потомственных дегенератов... Но не убивать же за это?! Достаточно просто выключить телевизор.

Фельдшер Людмила Рогалева. Ничего примечательного: родилась, училась, окончила, вышла замуж, родила, развелась... В Чечне не была, на телевидении не работала, клубы «голубых попугаев» скорее всего не посещала. (Там входной билет немалых деньжищ стоит!)

Предприниматель. Тоже мало интересного. Вот, правда, в начале девяностых был судим за разбой и изнасилование, но в местах лишения свободы вел себя образцово-показательно и потому был досрочно освобожден. Я лишь усмехнулся. Знаем мы эту образцовую показательность. Наверняка был в контактах с администрацией, а то и заведовал «пресс-хатой».¹ Неприятная кабанья физиономия, настоящее рыло. Чего-то там перепродавал и

¹ *Пресс-хата* – в местах лишения свободы особая камера, где главенствуют уголовники, осужденные за самые грязные, непочитаемые в уголовной среде преступления (изнасилование, убийство несовершеннолетних и др.). В обычные камеры поэтому для них путь закрыт. Администрация использует таких для прессовки других осужденных и делает «пресс-хатовцам» разные поблажки. Те «отрабатывают» с особым рвением.

покупал, в свободное время ни в чем себе не отказывал. Пуля вошла точнехонько ему в переносицу.

Уф! Тяжело выдохнув, я отложил в сторону бумаги и закрыл глаза, решив немного перевести дух. И тут раздался телефонный звонок. Я сразу узнал голос моего вчерашнего ночного визитера.

2

– Пятая жертва, Владимир... Но на этот раз человек остался жив, – сообщил полковник. У меня перехватило дыхание.

– ОН промахнулся?! – спросил я.

– Не знаю... – без былой уверенности в голосе ответил фээсбэшник. – Пуля прошла всего в нескольких сантиметрах от головы жертвы.

– Кто это?

– Полковник Гурьев. Знаешь такого?

Еще бы не знать! Полковник Гурьев из Управления воспитательной работы воздушно-десантных войск. Я его помнил еще капитаном, он был лишь на полтора года старше меня... Периодически у многих контрактников возникало желание набить ему морду. Я исключением не был.

– Оружие... – начал было я.

– То же самое. Спортивная винтовка для биатлона.

Не прошло и получаса, как я уже был на месте преступления.

– Стрелял с крыши гаража, – пояснил находившийся здесь же фээсбэшник.

На ЕГО месте я бы тоже выбрал именно эту позицию. С учетом того, что можно быстро уйти и скрыться в листве кустарника... И, конечно, он промахнулся не случайно. С такого расстояния мы не промахиваемся. Ясно одно – Гурьеву он готов был даровать жизнь, но при этом решил вернуть некий «должок».

– Давно надо было снести эту рухлядь к едреной матери, – весьма к месту высказался один из милицейских оперов.

Эти ребята топтались на приличном расстоянии от нас и, в свою очередь, ушами не хлопали. Ими руководил высокий худой полковник в форме. Он даже не смотрел в нашу сторону, несколько барственно руководя своими многочисленными подчиненными.

– Что скажешь о Гурьеве? – спросил меня фээсбэшник.

– А где он сейчас? – вопросом на вопрос ответил я.

– В госпитале. У человека нервный стресс. Не каждый день пуля в паре сантиметров от темени проходит... Так что он за человек был?

– Вы сами человек служивый, – понизив голос, начал я. – И знаете, что среди служивых три категории. Первая немногочисленная – отличные мужики, офицеры, пришедшие на службу не за пенсией в сорок лет. Такие с солдатом последним глотком из фляги поделятся, последней сигаретой. Подставлять зря не будут. Мало таких, но они есть. Вторая – самая распространенная. И нашим, и вашим. Среди них большинство – выходцы из потомственных армейских династий. Иного пути у них в жизни не могло быть. Иногда такие и доброе дело могут сделать, но чаще ведут себя высокомерно, подчеркивая всем видом свое превосходство над солдатом, да и над тем же офицером, только младшим по званию. И третья категория. По счастью, тоже немногочисленная. Законченные мерзавцы. Такие, как они, продают в Чечне боевикам оружие, думают только о личной выгоде и карьере. Начальства боятся и заискивают перед ним, а солдат, особенно срочников, за людей вообще не считают: быдло, пушечное мясо... Мы, контрактники, для них злейшие враги.

– Потому что можете дать отпор? – спросил фээсбэшник.

– Конечно, не сопливые пацаны.

– И к какой же категории принадлежал замполит Гурьев?

Я пожал плечами.

– Скорее ко второй... Ничего такого особо подлого я с его стороны не помню. Напивался иногда до свинского состояния, мог ударить солдата, обматерить. Не более того, по мелочам. Несдержанный, довольно амбициозный «замполит».

– У ваших сослуживцев Гора, Аркана и Роки бывали с ним конфликты?

– Сейчас не припомню, – сказал я и слукавил.

Замполит Гурьев по пьяной лавочке ударил Аркана. Просто так, ни за что. Не понравилось тогдашнему капитану, что сержант не поприветствовал его в соответствии с субординацией... Аркан ответил, он вообще пацан в этом плане упертый и безбашенный. Странно, что до сержанта дослужился. Но рассказывать про Аркана моему полковнику я не стал. Мало ли кто с кем в пьяном виде схватился. Мы, контрактные, тоже ангелами не были. Зато теперь у меня практически не было сомнений. Убийца и в самом деле кто-то из наших. Из уцелевших, находящихся в Москве и не имеющих алиби, – Аркан, Роки, Гор. Все мои ровесники: семидесятого – семьдесят второго годов рождения. Все асы своего дела. Умеют убивать, сами при этом оставаясь в живых.

А полковник, кажется, просек мою «забывчивость», все понял. Но счел за нужное напрямую об этом не говорить.

– Как ты думаешь, стоит установить постоянное наблюдение за всеми тремя? – жестко произнес он, приняв окончательное решение.

– Думаю, что нет... У таких людей обостренное чувство опасности, особая интуиция.

– Почувствовав слежку, ОН заляжет на дно?

– Не знаю... Может, наоборот, перейдет к более активным действиям.

– Мне все же кажется, что лучше всех троих держать под контролем, – еще жестче и тверже проговорил фээсбэшник.

Пришлось и мне несколько изменить тон:

– Вы обратились ко мне за помощью, я согласился. Так вот... Я его вычислю и обезврежу. Но вас прошу не мешать.

Пожалуй, я, сержант, говорил с полковником слишком резко. Тем не менее он вновь правильно понял меня.

– Когда я служил по контракту, то на охоту за снайпером всегда ходил в одиночку, – пояснил я. – Так мне удобнее, поверьте.

– У тебя четыре дня, – напомнил фээсбэшник. – Потом и мы, и милиция начнем тотальную зачистку территории.

Что такое «зачистка территории», мне объяснять не надо.

– Действуй, – произнес мой полковник и направился к служебному «Мерседесу».

А я направился к троллейбусной остановке. На месте происшествия делать мне больше было нечего.

Когда я проходил мимо милицейской «команды», путь мне перегородил здоровенный опер в штатском. Перегородил нагло, точно демонстрировал свою крутизну. Однако слова произнес вполне вежливые:

– С вами поговорить хотят. Подойдите во-он туда, пожалуйста!

Говорить со мной желал главный мент в полковничьей форме. А мне, по совести говоря, хватало и фээсбэшного полковника. Тем не менее, когда милиция вежливо просит, отказывать неудобно.

– Вы Алданов? – спросил меня главный мент.

– Алданов.

– Снайпер?

Я ответил утвердительно. Милицейский полковник смерил меня оценивающим, явно неодобрительным взглядом.

– Не вижу смысла в... вашем присутствии здесь. Понимаете меня? – выждав паузу, проговорил он.

– Не совсем.

Внутренне я напрягся. Мы, армейцы, не любим милицию, она нас.

– Не стоит устраивать самодеятельность. Это ясно, Алданов?

– Ясно, – сохраняя спокойствие, отозвался я. – Меня попросили о консультации и не более того.

– Вот именно – не более того. Если будет более, мне это очень не понравится... Отправлялся бы ты, Алданов, домой. Писал бы свои книжки, пиво пил, сухариками хрустел.

Мент демонстрирует власть и информированность. У них давняя конкуренция с конторой, и я, ко всему прочему, оказался меж двух огней.

– Нарушать закон я не собираюсь, – довольно независимо произнес я.

– Правильно делаешь, – сказал старший мент и, резко повернувшись, с высоко поднятой головой направился к служебному лимузину.

Молодые опера, нехорошо глянув в мою сторону, направились за ним.

Обогнув двор, я вернулся к месту преступления с другой стороны. Со стороны стрелявшего снайпера. Я решил пройти ЕГО путем, прочувствовать все собственными ногами и кожей... Менты, на мою удачу, уехали в полном составе. Гараж и в самом деле имел довольно трухлявый и ненадежный вид. Однако, похлопав по нему ладонью, я убедился, что он вполне может выдержать человеческий вес. Но самое главное – ветки и тень листвы и возвышавшихся рядом домов давали снайперу идеальную возможность маскировки. А спрыгнув с гаража, стрелок имел возможность уйти незамеченным. Рядом полуразвалившаяся двухэтажка, с другой стороны какой-то забор. На вид тоже трухлявый, зато высокий.

Я подтянулся на руках и залез на крышу. Ясно представляю себе, как Гурьев выходит из подъезда, как я ловлю его в прицел... Выстрелил бы я в Гурьева? Нет. Высокомерный, недалекий, пьющий солдафон-политрабработник. При этом на хорошем счету у начальства, уже в полковниках ходит. Да, он пользовался данной ему властью, лез на самый верх. Но, с другой стороны, в тылу не отсиживался, был в самом что ни на есть боевом подразделении, от пуль не прятался. Но только не за Родину, не за людей это, а за погоны и должность... А вот теперь сам подрожит. Весьма своеобразная месть... Если бы я был этим снайпером, то, пожалуй, действовал бы именно так.

Конфликт у замполита был с Арканом. Только с Арканом. Возможно, что-то подобное было и с другими, но я об этом ничего не знал. Размышляя таким образом, я, стараясь не привлекать ничьего внимания, тихо спустился с гаража на землю, затаился в кустах. Мне хотелось прочувствовать собственной кожей все, что чувствовал ОН. И тут я услышал чьи-то осторожные шаги. Кто-то, стараясь быть максимально неслышным, подкрадывался ко мне сбоку.

Кто это? Почему крадется?

Не вылезая из кустов и почти не меняя позы, я механически принял бойцовую стойку. Кроме кулаков, иного оружия у меня не было. Я вжался в железную стенку гаража, обезопасив тыл, и сейчас был готов либо отразить удар боевого ножа, магазинной коробки или тяжелого армейского ботинка, либо сам нанести сильный отключающий сознание удар. Появившийся в поле моего зрения субъект был выше и тяжелее меня. Это несколько расстраивало, но теперь уж ничего не попишешь. Зато в руках у него не было ни бесшумного пистолета, ни вообще какого-либо оружия. Через плечо, правда, висела линиялая, выдавшая виды спортивная сумка с символикой Олимпиады-80. Да и сам субъект при ближайшем рассмотрении оказался линиялым, небритым. Причем весьма немолодым. Двигался он опасливо, точно боялся с кем-нибудь столкнуться. Мутноватые глаза что-то пытливо выискивали в зарослях...

Сейчас он повернет голову и заметит меня. Принимать решение нужно было мгновенно. С сегодняшнего дня я снова на войне. Незнакомый не успел заметить меня, как получил удар в голову. Моя боевая позиция была не слишком выгодна, тем не менее я сумел завалить подсечкой зашатавшегося от удара противника. Спортивная сумка с грохотом свалилась на асфальт. Уже лежащего у моих ног я вторично ударил в голову, на сей раз несильно, носком кроссовки. Теперь я имел возможность разглядеть обездвиженного противника. Не только разглядеть, но и обнюхать. Запах от грязной, нестираной одежды и немытого тела был такой, что хоть нос зажимай. Социальный статус бесспорен – лицо без определенного места жительства.

– Лежать! – по-ментовски скомандовал я бомжику. – Руки на затылок, морду вниз!

Ему было больно. Он хныкал, как ребенок младшего школьного возраста. Но явно знакомую команду выполнил безропотно. Превозмогая брезгливость, я поднял сумку и изучил ее содержимое. Традиционный скарб бомжа – дырявые, но еще теплые штаны, железная кружка, вполне пригодная к столярным работам стамеска... Все понятно без комментариев. Спросить: почему крался? Тоже ясно – потому что боится всех и вся. Менту под руку попадется – дубьем отходит, бритоголовые малолетки и вовсе прибить могут. Даже литератор Алданов, и тот...

– Тебе повезло, – проговорил я, ставя сумку перед его носом. – Забирай барахло и двигай отсюда! – рявкнул я. – И больше мне не попадайся!

Никакие сомнения меня не одолевали – такой запах может быть только у истинного бомжа... Мент демонстрирует власть мне, я – первому попавшемуся бомжику. Какой-то порочный круг... Чего это я так? С самого начала было видно, что это бомж и никакой не загримированный. Ему ведь все шестьдесят, ну, может, чуть меньше. А его так! Это менты, заразы, нервы с самого утра взвинтили.

Бомж ковылял вдалеке, немного прихрамывая. Впрочем, хромота была явно и раньше, я ведь не по ноге его... И все равно на душе стало мутно. Бью человека, потом думаю. Ведь я уже много лет не ТАМ. Отогнав мутные мысли, я прервал «путь охотника» и вышел на тротуар улицы. Теперь я и в самом деле двигался к троллейбусной остановке.

Аркан. Он же Аркадий Терентьев, гвардии сержант воздушно-десантных войск. Позывной взят от имени. Мы не встречались почти пять лет. Такого желания не возникало ни у меня, ни у него. Сегодня возникло.

Но, прежде чем встретиться с Арканом, я посещу другое место. Надо собрать информацию из самых разных источников и лишь потом делать выводы.

3

Первым делом я решил навестить ночной клуб «Голубой попугай», благо он располагался всего в пятнадцати минутах ходьбы от моего дома. Он оказался не только ночным. Точнее, ночью там происходили разные шоу, а вот днем... Несимпатичного мне телеведущего завалили именно днем. Мои часы показывали двенадцать ноль пять. Примерно в это самое время и прозвучал тот одинокий и точный выстрел.

Поскольку бывать в подобных заведениях мне ни разу не приходилось, я не знал, что может меня там ожидать, и на всякий случай решил захватить личное оружие. Из личного оружия я предпочитаю явару. Это, конечно же, не «СВД», не винторез и даже не «АКС-74У». Вооружать меня огнестрельным оружием фээсбэшник не намерен, нунчаками я не владею, боевой нож может изъять первый попавшийся мент. А вот явара для городских стычек вполне сойдет. Чрезвычайно простое оружие, в умелых руках оказывающееся зачастую смертельным. Явара представляет собой деревянную палку не длиннее двадцати сантиметров с тупыми концами. Если правильно держать ее и правильно использовать, она становится мощным наступательным оружием. Ко всему прочему, ее можно удобно замаскировать, сделать до поры до времени невидимой. В Уголовном кодексе РФ статьи за незаконное ношение деревянной палочки не имеется.

– Меня ждут, – небрежно произнес я.

Привратник-вышибала весьма недоверчиво изучал меня, не торопясь пропускать в чрево охраняемого им «попугая».

– Что-то я тебя не припоминаю, – нелюбезно проговорил он.

– Я из Ханты-Мансийска, – очень твердым голосом отрекомендовался я. – Только что с самолета. Я могу пройти?

– С кем у тебя встреча? – по-прежнему загораживая вход своей откормленной тушей, спросил охранник.

– Попрошу на «вы», мы вместе оленей не пасли, – вежливо, но с достоинством ответил я.

Так в моем понимании должны говорить представители славного Ханты-Мансийска.

– Кто вас ждет? – сдерживаясь, повторил свой вопрос охранник.

– Гоша, – как ни в чем не бывало ответил я, назвав телеведущего уменьшительным именем.

– Гоша? – У охранника дернулась физиономия.

– Он же Гога, он же Юра, он же Жора, – пояснил я. – Гоша Ланковский, – с чувством превосходства произнес я фамилию, известную всем телезрителям.

– Валил бы ты отсюда, – заметно изменившись в лице, заявил мне привратник.

– Что? – сделал я полуоскорбленную физиономию.

– Обратно в свой Ханты-Мансийск... валил бы, – без тени юмора закончил он фразу.

– Простите, что это значит? – сделав полшага назад, но не теряя при этом достоинства, спросил я, правой рукой удобно держа готовую к атаке явару, пока еще незаметную для попугайского стража.

Охранник молча шагнул ко мне.

– Я должен здесь встретиться с Гошей! – отступая, залепетал я, так как боевые действия на ранней стадии не входили в мои планы. – Полчаса назад! Он что, обиделся и уехал?! Домой или на работу?

– Да ты... Ты что, ничего не знаешь? – замедлив шаг, удивленно спросил охранник.

– Я только что с самолета. С Гошей я разговаривал два дня назад по телефону...

Два дня назад Гоша Ланковский был весел и энергичен.

– Почему я должен перед вами отчитываться? – гневно взвился я.

– А ты... вы, я смотрю... Ну что же, проходите, – неожиданно изменив позицию, но с явным злорадным подтекстом проговорил привратник и пропустил меня. – По коридору до конца, потом на второй этаж и в первую дверь. Там с... вами поговорят.

Внутри был длинный коридор с множеством дверей. Зал для торжеств и шоу был закрыт до двадцати часов, зато за одной из дверей функционировало небольшое кафе, за другой – скрывался крохотный магазинчик интимных принадлежностей. Две следующие двери были заперты наглухо, на пятой – висела табличка: «Приносим огромные извинения! Лифт не работает!», а шестая – периодически открывалась и закрывалась. Из нее выходили и входили довольно угрожающей комплекции ребяташки. Все они были одеты в единую форму. Затянуты в черную блестящую кожу, только руки с накачанными анаболиками мышцами были оголены. На ногах кожаные плавки и какие-то бабские полусапожки. У двоих, ко всему прочему, имелись черные кожаные фуражки с высокой тульей, точно у бравых штурмбанн-фюреров СС... Ну попал, что называется. Гей-фашисты, гей-штурмовики. Последователи Эрнста Рэма, который, по слухам, тоже был их человеком. У одного, прошедшего рядом со мной, лицо было заметно припудрено и нарумянено, а на глазах были наклеены длинные девичьи ресницы. Проходя мимо распахнутой им двери, я не удержался и заглянул туда. Там те же самые персонажи, но уже в одних кожаных плавках усиленно занимались различными видами физической культуры. От бодибилдинга и атлетической гимнастики до шейпинга и аэробики.

– Эй, не маячь там! – кинул мне восседающий на тренажере стероидный юноша, похожий на мультперсонажа Халка. Во всяком случае, его кожа почему-то тоже имела зеленоватый оттенок. – Или заходи, или закрывай дверь!

– Проходи, мальчишечка! – пропел тонким голоском из другого угла любитель шейпинга, то ли приглашая, то ли наоборот.

Остальные также закрутили шеями в мою сторону, и мне ничего не оставалось, как аккуратно прикрыть дверь. Навстречу мне прошли еще двое в коже и в эсэсовских фуражках. Быстро взглянули, оценили и скрылись в спортзале. Отстал я от жизни, однако... Это мне не Дом кинематографиста и не пресненский музей кино с лекциями профессора Клеймана. Клейман за руку с каждым студентом перед лекцией иной раз здоровался. Здесь же эти резиново-силиконовые уроды смотрят так, точно вместе со жвачкой сжевать готовы. Они явно увидели во мне НЕ СВОЕГО. Что ж, надо было лучше наводить маскировку. Ногти покрасить, губы, ресницы... Побрезговал, теперь пеняй на себя. Два полуголых кожаных качка вышли из спортзала и проводили меня взглядом до самой лестницы, ведущей на возделенный второй этаж.

– Откуда ты знаешь Гошу? Кто ты вообще такой?

Вот так, даже не поздоровавшись, начал со мною беседу хозяин роскошного кабинета – невысокий, пузатенький, с тонкими усиками и намечающейся плешью. Он явно исполнял обязанности директора или главного администратора.

– Простите, но... Гоша отрекомендовал ваше заведение как одно из лучших, – наигранно забормотал я. – А здесь... такой прием.

– Завалили Гошу, – произнес вошедший следом за мной высокий мрачный тип с неприметным лицом. Такими бывают начальники службы безопасности.

– За... – начал было я, но так и остался сидеть с раскрытым ртом. Ведь эту «новость» я слышу впервые.

– Убили, иными словами, – пояснил неприметный. – Когда выходил, прямо на ступеньках.

Я обхватил руками голову, закачался, сидя на предложенном мне стуле. А в директорский кабинет тем временем без стука вошли еще два персонажа. Одним был зеленоватый качок, он же Халк, из спортзала. Вторым – «кожаный эсэсовец», но не в фуражке, а в черной пилотке с отливающими серебром костями и черепом. Он явно нарушал общепринятую форму, так как был одет не в плавки, а в обтягивающие блестящие брюки-лосины. В руках он умело вертел черную ментовскую дубинку, именуемую «фаллоимитатором».

– Может, я пойду? – робко осведомился я, сделав полшага в сторону дверей.

– Стоять! – рявкнул тот, что с усиками. – Ты зачем врал, что из Ханты-Мансийска?

– А ты мент, чтобы меня допрашивать? – уже не наигранным, а собственным голосом отозвался я.

– Я мент! – властно проговорил неприметный. – Здесь отвечаю за безопасность гостей. И ты мне очень сильно не нравишься!

Ох как же я сегодня не нравлюсь ментам!

– Ладно, господа хорошие, каюсь! – развел я руками и впервые за все время усмехнулся. – Я не из ваших...

– Мы это с первого взгляда поняли, – усмехнулся в ответ неприметный.

– И Гоша мне нужен для иных целей. Не для интимного свидания, – продолжил я.

– Ты не скайся, говори короче, зачем тебе Гоша Ланковский? – подал голос Халк, расположившийся у меня за спиной.

Нет, он явно косил под мультяшного героя. Зачем? Не спрашивать же сейчас...

– Брата девчонки своей ищут, – ответил я. – Младшего брата. У него с господином Ланковским серьезные отношения были... Ну, вы сами понимаете!

– Перестань скалиться! – буквально зарычал на меня Халк.

Что ж, продолжать пришлось другим, серьезным тоном:

– Брат моей девушки был Гошиным любовником!

– Врешь! – тонким срывающимся голосом заверещал Халк.

О, боже мой! Я совсем не учел местной специфики. Ведь любовником Ланковского скорее всего был он. Вот что значит в спешке сочинять легенду.

– Я подробностей не знаю, но фотографию мне моя баба показывала, – сохраняя спокойствие, продолжил я. – Ланковский и ее брат в обнимку.

– Где фотография?! – Халк готов был схватить меня за горло, но неприметный остановил его властным движением руки.

– При себе нет. Если хочешь, потом привезу, подарю... Легче станет? – сочувственно произнес я.

Халк не сдержался и ударил меня своей пудовой ножищей. К счастью, я успел отскочить в сторону. В мои планы входила лишь беседа, но никак не мордобой.

– Отставить! – по-военному скомандовал неприметный, и Халк подчинился ему. – Сядь! – рявкнул мент уже мне.

Ничего не оставалось, как подчиниться.

– Твои документы! – потребовал неприметный.

Я протянул ему просроченное удостоверение Союза кинематографистов. Неприметный бегло просмотрел его и швырнул мне обратно.

– Мне плевать, кто ты, – глядя мне в глаза своими оловянными, ничего не выражающими очами, заговорил он. – Но я хочу знать, зачем тебе нужен Ланковский. И не рассказывай мне сказок о пропавшем братце!

– Да я правду говорю, – убирая удостоверение, отозвался я. – Брат моей сестры... Тьфу, перепутал, не сестры, а невесты...

– Значит, так! – резко оборвал меня неприметный. – У меня мало времени! Сейчас ты подробно рассказываешь, зачем пришел сюда и что тебе до погибшего Гоши.

– Вы же не верите...

– Все, я ухожу! – Неприметный направился к двери и, уже открыв ее, кивнул своим:
– Вернусь через полчаса.

Явара незаметным для гей-фашистов образом уже лежала в моей руке и была готова к бою. Тем не менее я предпринял последнюю попытку решить дело миром.

– Ваш начальник совершает ошибку, – сказал я.

– Он – да, а вот я – нет! – торжественно произнес директор-администратор, оставшийся за старшего.

С этими словами он размахнулся и явно был намерен ударить меня своим пухлым волосатым кулачком. Однако моя явара достала его раньше. От резкого тычка под коленку директор-администратор взвыл и потерял равновесие. Я вскочил, сумев уклониться от удара Халка, и успел опрокинуть на него журнальный столик, стоявший у окна. На меня в яростную атаку пошел гей-фашист в пилотке и лосинах. Он довольно грамотно пытался достать меня своим «фаллоимитатором». Его дубинка была длиннее моей явары, но мне под руку попала откупоренная бутылка с минеральной водой. Я исхитрился метнуть ее в нарумяненную физиономию, а сам, воспользовавшись секундным замешательством, нанес удар в солнечное сплетение. Явара пробила отливающую бликами кожу униформы, и гей-фашист скорчился в три погибели, издал сдавленный стон. Пожалуй, самое время рвануть к дверям и навечно покинуть «попугайское» заведение. Но дорогу мне перегородил пришедший в себя Халк. Встав в боевую стойку, он начал наносить мне хлесткие кикбоксерские удары. Я сумел защитить корпус, но удар в голову все же прошел, по счастью, не напрямую.

Искры посыпались у меня из глаз. По совести сказать, я не слишком силен в рукопашной, никогда не занимался сверх положенной в частях спецназа ВДВ программы. Озверевший же Халк молотил меня, точно кикбоксерский тренажер. К счастью, я имел опыт схваток с такими вот «мордобойцами». Мне пришлось плашмя упасть на пол, имитируя глубокий нокаут. Несколько смущенный Халк по инерции запрыгал на месте, молотя воздух какие-то доли секунды. Этого времени мне оказалось достаточно. Поскольку Халк прибыл из спортзала босиком, а его ножищи находились в нескольких сантиметрах от меня, я, не поднимаясь на ноги, ударил яварой по халковскому большому пальцу правой ноги. Халк взвыл так, что я чуть не получил вторую контузию. Он запрыгал на одной ноге, а я вскочил и молниеносно ударил Халка в скулу. Он крикнул и, несмотря на свою многокилограммовую массу, улетел в угол.

– А ну-ка брось свою пику! – услышал я за спиной.

Обернувшись, я увидел, что администратор-директор успел где-то раздобыть пистолет Макарова, чей ствол сейчас смотрел прямехонько в мою переносицу... Объяснять ему, что явара – это не пика, я не стал, напротив, выполнил требование, бросив явару точно в руку с пистолетом. Директор стоял в очень удобной для такого броска позиции, а инструктор рукопашного боя посвятил в свое время изучению подобных бросков не одну неделю. Сам же я на всякий случай перекатом ушел с возможной линии огня. Но выстрелить директор не успел. Явара попала ему точно в запястье, в самую болезненную его часть. Директор по-младенчески пискнул и выронил оружие. Дальнейшее было для меня делом техники. Забрать пистолет (оказавшийся настоящим и с полной обоймой), отключить директора и приходящего в себя гей-фашиста в пилотке, накрепко запереть дверь... Впрочем, начальник службы безопасности обещал вернуться через полчаса, а у нас на все про все ушло не более четырех минут. Тем не менее замок я защелкнул на два оборота. Ну что же, поскольку боевая обстановка изменилась, самое время собрать кое-какие сведения.

Халк потихоньку приходил в себя. Это меня вполне устраивало, так как для допроса он подходил наилучшим образом. Халк явно был в самых тесных контактах с Гошей Лан-

ковским и мог сообщить интересные подробности... У меня было мало времени, поэтому допрос Халку предстоит жесткий, соответствующий обстановке.

– Не двигаться, тварь, яйца отстрелю! – скомандовал я дернувшему шеей и открывшему свои бесцветные крохотные глазки Халку.

Возражений от Халка не поступило. Глазки его наполнились осмысленным ужасом, он точно окаменел. А я продолжил, медленно передвигая ствол «макарова» от халковского лба к нижней части его живота.

– Отвечай, ты заказал Гошу? За измену или за что там у ВАС заказывают? – спросил я.

– Го-ошу? – нараспев выдохнул Халк. – Нет, как можно?

О, как заговорил, точно на сцене театра юного зрителя.

– Ты заказал его бывшему десантнику! – не знающим сомнений тоном продолжил я. – Вот только кличку его запомнил... Роки, нет, Аркан? Так?! Или Гор?!

Я шел напролом. А вдруг именно сейчас я узнаю ЕГО имя? Допрос есть допрос, тем более в боевых условиях.

– Нет, не знаю... Десантников не знаю.

– А кого знаешь?

– Да никого.

– Не ври. Ты слишком близко знал Гошу... Слишком! Кто его враги?

Поверженный Халк лишь тряс головой.

– Он конфликтовал с десантником? С участником боевых действий? Быстро вспоминай!

– С дес-сантником? Д-да... Я припоминаю. Да-да, да! – утвердительно закивал Халк. – Гоша рассказывал. Он передачу вел, ну, ток-шоу называется... тьфу, блин, забыл.

– Неважно, давай по существу, – поторопил я, вновь переместив ствол вверх.

– Ну, передачу про... про военную тему, значит. Ну, и там присутствовали несколько десантников. И у Гоши как у ведущего вышел конфликт с одним из них. Солдат тот, видно, слегка тронутый был, ну и...

– Кто тронутый, не тебе судить! – не сдержавшись, прервал его я. – Давай дальше.

– Солдат сказал, что не дело... т-тыловой сволочи судить о фронтовых делах. И еще что-то такое лично в Гошин адрес. А Гоша завелся и ответил, что здесь нет ни тыла, ни фронта и что если человек видит фронт в его студии, то он сейчас вызовет санитаров. Солдат поднялся с места, но охрана его успокоила.

– Все? – стараясь сдержать охватившее меня волнение, спросил я.

– И еще Гоша добавил, что такие люди, как этот солдат, когда заходят в туалет, могут принять унитаз за вражеский дот.

– Какое ублюдство! – Меня аж передернуло от Гошиного «остроумия». – Ты этого солдата сможешь узнать?

– Так я ж его не видел! Это Гоша, когда сюда зашел после эфира, весь нервный, дерганный был. Рюмку-другую пропустил, рассказал.

– А передачи ты не видел?

– То был не прямой эфир. Этот момент вырезали...

Вот как складно и гладко может Халк вести повествование.

– А почему ты решил, что это солдат? А не офицер, не прапор?

– Его так Гоша назвал. Солдат, говорит, безбашенный возник, чуть эфир не сорвал.

Я еле унял дрожь в руках. Все сходилось. Солдат, эфир... Тупая, ублюдочная шутка. Ланковского выручила охрана, иначе солдат дал бы ему в морду, на том и делу конец... Хотя, как говорится, еще не факт, что я ухватил кончик нити.

– Больше я ничего не знаю... – жалостно вздохнув, чуть ли не всхлипнул Халк.

Сейчас я ему верил. М-да, кажется, поход я совершил незряшный. Теперь осталось выйти отсюда. Сотоварищи моего «языка» лежали неподвижно или очень благоразумно притворялись. Удары, которые я им нанес, были дозированные, не смертельные, а лишь временно отключающие. Да, не слишком гостеприимным оказался этот «нетрадиционный» попугай.

«Попугай, попугай! – мысленно произнес я, усмехнувшись. – Кого теперь здесь пугать?»

– Ложись мордой вниз, лапы на затылок! Медленно считай до двухсот. Как сосчитаешь, можешь подняться.

Халк выполнил четко мою команду.

И пугать некого, и вопросы задавать некому. Поэтому я как можно быстрее рванул по лестнице вниз. И только я быстрой походкой вышел в коридор... Навстречу мне двигался неприметный начальник службы безопасности, он же мент. Я, не сбивая темпа, двинулся к нему, заставив опешить и застыть на месте.

– Увы и ах, но я вас покидаю! – произнес я, держа при этом боевую дистанцию и сжимая правой ладонью явару. – Ваши люди несколько переутомились и сейчас отдыхают, идите помогите им.

Начальник СБ сдержанно кивнул, в свою очередь не нарушая дистанции.

– Что так? – произнес наконец он сдавленным полусшепотом.

– Ваше заведение не для меня, я человек традиционных взглядов. По-моему, нам нужно расстаться миром. Иначе сюда может заглянуть пара моих приятелей. Разойдемся мирно, согласны?

– Разойдемся.

Начальник СБ был опытным дяденькой и прекрасно понимал, какие у меня могут оказаться приятели.

– Вот вам пистолет вашего администратора, а вот обойма, – вежливо улыбнулся я, протягивая оба предмета.

4

Раз пошли такие дела, то мне в обязательном порядке понадобится Пех. Он же недавний старшина контрактной службы Гусев. Явара, конечно, надежная вещь, но Пех надежней. Добираться до него было недалеко – три остановки по кольцу.

– Бред какой-то, Факир, – сказал Пех, выслушав меня.

– Нет, не бред, – твердо произнес я. Сейчас было важно убедить Пеха в правильности выбранной мною версии.

– Ты предлагаешь мне работать под крышей ФСБ? – задал первый вопрос Пех.

– Нет, мы сами по себе, они сами. Этот тип убивает людей. Молодую женщину за что? Мы должны его остановить!

Пех был старше меня по званию, но сейчас командная инициатива была в моих руках. Свой позывной (оно же вечное прозвище) Пех получил оттого, что срочную службу проходил не в ВДВ, а в морской пехоте. В нашем подразделении Пех кем только не был – и пулеметчиком, и сапером, и механиком-водителем. Входил он в состав антиснайперской группы.

– Ты пиво привез? – задал второй вопрос Пех.

– Нет... У меня мало времени. Если ты отказываешься мне помогать, я уйду.

Пех ничего не ответил, молча уставился в пол, точно окаменел. Окаменела даже сигарета в его пальцах, дым перестал струиться. Как и многие люди такой комплекции (а комплекция у Пеха под стать борцу Карелину), Пех был тугодумом. Соображал всегда долго и при этом молча.

– С чего ты взял, что ОН из наших? – наконец спросил он, швырнув сигарету в пепельницу.

– Ты был на той телепередаче? – вопросом на вопрос ответил я.

– Был, – двинул своими плечами Пех. – Нас всех специальным приглашением туда вызвали как ветеранов «горячих точек»... Ничего там такого не было.

Помимо тугодумости, у Пеха еще и несколько толстая шкура. Обижаться на людей, находящихся в более легкой весовой категории, он считает ниже своего достоинства. Ну вякает козявка, воздух портит. Ну и леший с ней, самой нюхать придется. Так рассуждал Пех, но ни в коем случае не Аркан и не Гор. Да, пожалуй, и не Роки.

– В чей адрес была шутка с унитазом? – спросил я.

– Витька Озеров, Роки. Сам, между прочим, этого ведущего и завел. Я же рядом с ним сидел, в самое ухо ему чуть ли не кричу: «Отход, Витя!»

Пех потрясающе неконфликтен. Даже бой он воспринимает без всякого куража и задора, как некую тяжелую, пыльную, но нужную работу. Никому, кроме него, не подвластную.

– Ну а потом, после этого убудочного перла, как все происходило?

– Наши зашумели. Аркан готов был в рукопашную ринуться, Гор сообщил ведущему, что тот «козел». Но потом затихло... Дурь какая-то, Володька.

Дурь. Хорошо, кабы так и оказалось. И я ошибся. Аркан, Гор, Роки ни в чем не виновны, а настоящего убийцу в течение ближайших суток повяжет мой полковник со своей могущественной службой. Или те же менты.

– А теперь послушай, что сегодня ранним утром приключилось с нашим бывшим замполитом Гурьевым, – продолжил я свой рассказ.

Выслушав меня, Пех впервые позволил себе усмешку.

– А знаешь, это говорящее полено стоило шугануть, – произнес он. – Именно вот так, чтобы не забывался.

Вот! Пеха посетили точно такие же мысли, что и меня. Ведь и я солидаризировался с неизвестным стрелком.

– Не жалуешь Гурьева? – спросил я тут же.

– А он нас жаловал? Мы не срочники, нас просто так не построишь и болтовню его дурацкую слушать не заставишь. Между прочим, это он словечко придумал для нас – «контрики». Какие мы ему «контрики»? Ну, «контрабасы» ладно, «сверчки» еще куда ни шло. А тут точно тараканы какие-то.

После этих слов оба мы некоторое время сидели молча. Но и я, и Пех думали об одном и том же. Не столько думали, сколько вспоминали... Мы «сверчки». Или «контрабасы». Одним словом, контрактники. Взрослые здоровые мужики, отслужившие срочную (зачастую в той же «горячей точке») и решившие вернуться. Нам не положены внеочередные звания, медали и ордена. Мы воюем за деньги... Во всяком случае именно так представляют нас газетчики и телерепортеры. Иногда нас малюют чуть ли не уголовниками, урками, которых освобождают из «зоны» и отправляют воевать. Не скажу про другие подразделения, но у нас такого не было. Поначалу к нам во взвод попал урка, который пытался установить зоновские понятия и законы. Он был здоровенный, весь в татуировках. В первые же дни у него вышел конфликт с Арканом, который был куда ниже ростом и легче наглого урки. Но зато в руках у Аркана оказался табурет. Урку с проломленным черепом долго лечили в медсанбате, затем комиссовали без выходного пособия, списав все на несчастный случай по неосторожности. Аркана лишь одобрительно похлопали по плечу. С тех пор зэковские «традиции» заглохли начисто. Хотя среди ребят были и те, кто успел на гражданке познакомиться с тюрьмой и ее нравами. Тот же Гор. Сидел он, правда, по ерундовой статье за хулиганство, судимость была со временем погашена.

Никто, кроме нас...

Нет, это не девиз. Это наша жизнь. С нами лучше ладить. Нами непросто командовать. Что такое взвод «контрабасов»? Это не один десяток крепких бывалых мужиков, которым за двадцать пять, а то и за тридцать лет. У некоторых за спиной такое, что не всякому офицеру повидать довелось. А взводный, как правило, мальчишка из училища, пусть даже Рязанского десантного. Ему нас положено строить голосом, взглядом давить. В бой за собою вести положено. А пацан элементарно, по возрасту, этого не может. Он войны не нюхал, а мы в ней по самое горло. Потому взводами «контрабасов» командуют, как правило, прапорщики, сами не одну «горячую точку» прошедшие. С мощной глоткой и кулаками. По возрасту большинству в старшие братья годящиеся.

И еще нам положено умирать. В плен сдаваться нельзя: перед смертью будут изощренно мучить. Могут отрезать голову, вспороть живот. Все могут... В свою очередь и мы должны мочь все... Как пелось в одной популярной среди нашего люда песне неизвестного автора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.